

Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм*

Иоахим Клейн

Лейденский университет,
Лейден, Нидерланды

Praising the Ruler: Panegyrical Poetry and Russian Absolutism

Joachim Klein

University of Leiden,
Leiden, Netherlands

Резюме

Русская литература раннего Нового времени поражает преобладанием панегирической традиции. С середины XVII до конца XVIII века панегирика представлена во многих жанрах; почти все поэты воспевали правителя. Эта поэзия интересна как специфическая форма политической литературы. Ее изучение проливает свет не только на культ русских монархов, но также и на политический менталитет их лояльных — и грамотных — подданных. Панегирическая поэзия является *per definitionem* глубоко аффирмативной, некритической разновидностью политической литературы. Тем не менее она предоставляла авторам определенное пространство для выражения различных и даже противоположных политических идеалов. Указанные ее особенности показаны в данной работе на материале панегириков, возникших в начале 1760-х гг. на фоне русско-прусского мирного договора, заключенного ее предшественником Петром III, и в связи с взрывчатым переворотом Екатерины II. В этой ситуации среди панегиристов возникло фундаментальное различие представлений о задачах монарха и о миссии российской государственности.

Ключевые слова

русская литература*, история литературы, XVIII век, панегирик, Екатерина II

* Клаус Харер (Берлин) и Рональд Вроон (Лос-Анджелес) великодушно предоставили мне целый ряд труднодоступных панегирических стихотворений; без их помощи я бы не смог написать предлагаемую работу. Ирина Паперно помогла мне перевести ее на русский язык.

Abstract

It is difficult to overrate the importance of the panegyric tradition for early modern Russian literature. Between the middle of the 17th to the end of the 18th century, it was practiced in many different genres—almost all Russian poets praised the ruler. This poetry deserves our interest as a specific form of political literature. As such it is not only relevant for the cult of the Russian monarchs, but it also sheds some light on the political mentality of their loyal—and literate—subjects in the age of Russian absolutism. Panegyric poetry is *per definitionem* a thoroughly affirmative, noncritical form of political literature. But this did not prevent it from offering a certain scope for the expression of diverse and even contradictory political ideals. This can be exemplified by the panegyric poems written in the early 1760s in the context of the coup d'état staged by Catherine II and against the backdrop of the Russo-Prussian peace treaty initiated by her predecessor, Peter III. In this situation, a fundamental difference of opinion about the tasks of the monarch and the mission of the Russian state emerged.

Keywords

Russian literature, history of literature, 18th century, panegyric, Catherine the Great

*Светлой памяти
Виктора Марковича Живова (1945–2013)*

Значение панегирической традиции для русской литературы раннего Нового времени трудно переоценить. Ее главная разновидность, похвала властителю¹, преобладала в ней в течение полутора столетий — с середины XVII до конца XVIII вв. Похвала властителю представлена во многих жанрах, прежде всего в лирических, а также в эпосе, драме, опере, надписи, в торжественном слове и в проповеди, также в литературных посвящениях, в историографии, не говоря уже об изобразительном искусстве. Почти все русские авторы XVIII века воспевали царей.

Первые русские панегирики находим в средневековье [Бегунов 1973]. Они написаны прозой; панегирическая поэзия появилась только в середине XVII в., то есть в начале Нового времени русской литературы, проходившего под знаком начинающейся европеизации русской культуры: панегиристы следовали сначала польским, затем французским и немецким образцам. После эпохи литературного барокко наступила классицистическая фаза панегирической поэзии. Предлагаемая статья посвящена именно этому периоду, то есть охватывает время с 1730-х гг. до начала XIX в.

Лучшие поэты этого времени, Ломоносов и Державин, прославились своими панегирическими одами в честь Елизаветы Петровны и Екатерины II; они также были обязаны своей служебной карьерой в

¹ См. основную работу: [Намвсчн 1996]. Краткий очерк развития русской панегирической литературы до начала XIX в. см. в: [Nicolosi 2002, 29–32].

значительной степени успеху этих стихотворений. Другие поэты, подражая им, также сочиняли панегирические тексты, прежде всего оды. В своем “пиндарическом” варианте этот жанр выражал тот *furog poeticus*, который охватывал лирического субъекта перед лицом августейшего адресата, поэтому Ломоносова называли “русским Пиндаром”.

Преобладание панегирической традиции в русской литературе второй половины XVII и XVIII вв. соответствовало характерному сужению понятия поэзии: когда современники говорили о поэзии, они могли иметь в виду не поэзию вообще, а только панегирическую, то есть разновидность придворной литературы [Клейн 2013: 211]. Это свидетельствует прежде всего о высокой степени ориентации авторов на императорский двор и об их соперничестве друг с другом в желании добиться похвалы придворной публики. Русская литература начала освобождаться от подобной тенденции лишь к концу XVIII в., что связано с постепенным возникновением в России гражданского общества и литературного рынка. Тогда панегирическая поэзия утратила свой прежний престиж и переместилась из центра на периферию литературы. Однако больше столетия спустя, в сталинскую эпоху, она пережила — хоть и ненадолго — своеобразный ренессанс. Второй ренессанс панегирической поэзии наступил в наше время: в Интернете можно найти многочисленные стихотворения в честь президента России В. В. Путина.

Вернемся, однако, в XVIII век. Панегирическая поэзия этого времени заслуживает внимания в том числе и как разновидность политической литературы. Ее изучение проливает свет на русский культ абсолютного монарха и на государственное сознание его лояльных — и грамотных — подданных. Как мы еще увидим, панегирическая поэзия, несмотря на свой сугубо аффирмативный, не критический характер, предоставляла поэтам пространство и для выражения различных и даже противоположных политических идеалов.

Бессмертная слава

Панегирическая поэзия была чрезвычайно популярна в Германии XVII в. [Rütz 1980; HELDT 1997]. Еще в первые десятилетия XVIII в. она была популярна, после чего утратила свое литературное значение. Как объяснить “опоздание” русской панегирической поэзии, торжественное шествие которой достигло кульминации значительно позже, во второй половине XVIII в.? Думается, что дело не столько в инерции русского абсолютизма, сколько в тогдашнем значении императорского двора как центра европеизированной русской культуры. Эта тема приводит нас к вопросу о социальном положении русских поэтов. Почти все они были чиновниками или офицерами, которые писали стихи в свободное от

службы время. Эти авторы смотрели в первую очередь на придворную публику, а в особенности на монарха, как на главный источник материальных благ и социального продвижения. Никто не знал этого лучше Державина. Во второй строфе его стихотворения “Дар” Аполлон дарит поэту лиру и советует ему — не без иронии — следующее:

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен [Державин 1865: 59].

Во взаимоотношениях российского императора и поэтов-панегиристов осуществлялся очень древний симбиоз. Поэты добивались благосклонности правителя, а тот, со своей стороны, нуждался в поэтах — они должны были восхвалять его подвиги, чтобы спасти его от забвения — второй смерти [BURSKNARDT 1966: 132–143; ZILSEL 1926: 52–60]. Правители мечтали о земном бессмертии, что в эпоху абсолютизма характерно как для Людовика XIV с его “*amour de la gloire*”, так и для прусского короля Фридриха II, и для русской императрицы Екатерины II [GRIFFITHS 1986].

Средством для осуществления мечты было поэтическое слово. Оно было призвано для решения этой задачи в силу не только своей выразительности, но также и предполагаемой способности победить время и обеспечить бессмертную славу. Гораций выразил эту идею в знаменитой и часто цитируемой в XVIII веке 7 строфе своей 9-й оды “*Ne forte credas . . .*” из IV книги од. Герой “Илиады” Агамемнон фигурирует в ней не как вымышленный, а как исторический персонаж, Гомер же предстает “святым” архетипом поэта-панегириста:

Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes inlacrimabiles
Urgentur ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro [HORAZ 1957: 202–204].

Ломоносов в “Предисловии о пользе книг церковных в российском языке” (1758) перевел эту строфу на русский язык, причем певец у него не “святой”, однако обладает “бессмертным гласом”:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас [Ломоносов 2011, 7: 471].

Во второй строфе своей оды Екатерине II на Новый год 1764-й Ломоносов говорит о назначении “Парнаса”, имея в виду поэзию и поэтов. Парнас представляется ему как “геройских подвигов хранитель” и “времен

и рока победитель” [Ломоносов 2011, 8: 717–727]. Ломоносов затрагивает эту тему также в панегирическом слове Елизавете Петровне 1749 г. В ней он поднимает вопросы не только верного изложения событий, но и поэтические, так как поэзия призвана “живо” описать “прошедшие деяния” и “славные примеры великих героев”, представляя их “как настоящие”. Историография и поэзия в “Слове похвальном императрице Елисавете Петровне” (1749) “исторгают” “прехвальныя дела великих Государей из мрачных челюстей едкая древности” [Ломоносов 2011, 8: 226].

В связи с этим стоит упомянуть также Феофана Прокоповича и его важный трактат “De arte poetica,” написанный им для лекций 1705–1706 гг. в Киево-Могилянской академии. В нем Феофан говорит, что “предмет, которым обычно занимается поэзия, придает ей огромную важность и ценность. Поэты сочиняют хвалы великим людям и память об их славных подвигах передают потомству” [Прокопович 1961: 341].

Поэт перед престолом

С панегирической поэзией обновилась в России одна чрезвычайно богатая традиция европейской литературы, которая восходит через многочисленные промежуточные ступени к архаичной эпохе греческой античности, к хоровой лирике и Пиндару. Одна из самых важных, если не самая важная, задача античного поэта состояла в воспевании героев и их подвигов. Поэту приписывалась почетная роль “dispensator gloriae” — “распределителя славы” [BURSKNARDT 1966: 141].

Однако в эпоху абсолютизма место античного героя занял абсолютный монарх, официальному культу которого служили поэты. Во времена Пиндара поэт мог чувствовать себя равным адресату в силу своего “вещего” искусства. Обоих соединял закон гостеприимства; панегирик рассматривался как дружеский дар, а песня и гонорар были выражением взаимного уважения [FRÄNKEL 1962: 488–492; МАЕНЛЕР 1963: 88].

Не так было в России XVIII века. Император стоял неизмеримо выше поэта. Русские поэты тогда не пользовались особым уважением, так что некоторые даже думали, “что дворянину стыдно присвоивать себе имя писателя” [ВЕЧЕРА 1772: 6]. О социальной бездне, разделявшей русского панегириста и его адресата, свидетельствуют посвящения похвальных текстов. Оде Третьяковского 1742 года на коронацию Елизаветы Петровны предшествует не только объемное дедикационное заглавие, но и специальное посвящение во введение. Поэт посвящает свою оду “всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей [. . .] ея священнейшему величеству”. Он же сам

выступает как “всеподданнейший раб”, который “раболепно” и “усерднейше” подносит возвышенному адресату свою “крайно недостойную песнь”, припадая “к стопам” ее “императорского величества” [ТРЕДИАКОВСКИЙ 2009: 165–172].

Самоуничижения такого рода могли в 1740-е гг. уже восприниматься как пережиток прошлого и коробить тех современников, которые испытывали влияние новых идей Запада о достоинстве индивида [КОЧЕТКОВА 2004: 27; АЛЕКСЕЕВА 2010: 135–140]. Младшие панегиристы поэтому выступали только как “всеподданнейшие” или “всенижайшие рабы”. Однако эти более сдержанные выражения должны были также выразить верноподданническую покорность [МАРАСИНОВА 2004: 101]. Перед нами официальные формы обращения к самодержавной власти, которые были введены в качестве обязательных указом Петра I от 1 марта 1702 г.: все подданные были “рабами” императора, причем крестьяне наравне с дворянами. В этом и заключается различие русского — “самодержавного” — абсолютизма от более умеренного абсолютизма на Западе [ТОРКЕ 1986: 204–210].

Просвещенная императрица Екатерина II отменила петровскую формулу указом от 15 февраля 1786 г.: в дальнейшем следовало заменять словосочетание “всеподданнейший раб” выражением “всеподданнейший (или «верный») подданный”. Некоторые из писателей-дворян — такие как Сумароков, Державин и Херасков — избегали традиционной формулы еще до екатерининского указа, подписываясь в своих текстах просто именем. Но это были исключения: “просвещенный” указ Екатерины был скоро забыт и подданные продолжали обращаться к ней как “рабы” [МАРАСИНОВА 2004: 99].

Сакральность власти

Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящийся сами навлекут на себя осуждение (Рим 13: 1–2).

Были, впрочем, со стороны Екатерины II, кроме названного указа, еще другие попытки придать более гуманную окраску отношению императора и подданных. Она любила уверять подданных в своей “материнской любви” [ВОРТМАН 1995: 110–122]; панегиристы называли ее “владычицей сердец”. Однако выражения этого рода не изменили жестких рамок официальной иерархии, и поэт-панегирист продолжал выступать усерднейшим подданным. Именно в этом качестве он с помощью своей лиры стремился вступить в личный контакт с монархом. Его

стремлению соответствовала поэтическая форма: субъект одического монолога часто обращается прямо к адресату, используя при этом второе лицо единственного числа. Таким образом симулировалась прямая встреча верноподданного поэта с монархом.

Прием прямого обращения к адресату соотносит панегирическую оду с молитвой, с которой верующий обращается к Богу. Это не случайное совпадение: русские панегиристы окружали царственного адресата ореолом квазибожественной святости, что вписывалось в общую схему сакральности царского сана: в России XVIII века санкционированное апостолом Павлом представление о монархе как заместителе Бога на земле целиком определяло политическое сознание [Лотман 1996: 40–46; Пушкарев 1999].

Главным русским пропагандистом учения о богоизбранности царей был Феофан Прокопович: см., например, его проповедь 1718 г. “О власти и чести царской, яко от самаго Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие должныствуют. . .” [Прокопович 1961: 76–93]. Принципа богоизбранности монарха придерживалась и Екатерина II [Снарф 1998: 78–84], чем она отличалась от своего прусского современника Фридриха II, который подвергал это положение “принципиальному и радикальному сомнению” [Kunisch 2005: 535]. Правда, и Екатерина хотела слыть просвещенной монархиней и любила легитимировать свою власть политическими заслугами. Однако это было не главное: Екатерина выступала официально в первую очередь как заместительница Бога на земле, постоянно подчеркивая сакральный характер своего сана.

Вполне возможно, что русские “вольтерианцы” не верили в богоизбранность монарха — однако занимать такую крамольную позицию публично было рискованно. Тем не менее в политической практике были веские аргументы в пользу такой позиции, и самый важный из них касался того, что история России в XVIII в. представляет собой, как известно, цепь дворцовых переворотов: “сакральная” власть русского монарха стояла *de facto* на глиняных ногах.

Подобно своей предшественнице Елизавете Петровне, Екатерина II была обязана короной дворцовому перевороту. Если иметь в виду ее близость к европейскому Просвещению, то кажется естественным понимать этот переворот в духе Джона Локка и его теории об общественном договоре как разрыв с принципом богоизбранности. Локк устранил из политического мышления религиозную составляющую: авторитет монарха основывался у него не на Божьей милости, а на политических достижениях: если эти достижения не были удовлетворительны, подданные имели право свергнуть монарха. Казалось бы, так обстояло

дело и в случае с Екатериной: не разоблачила ли она в своем первом манифесте якобы “преступный режим” Петра III, обосновывая свой собственный приход к власти страстным желанием подданных, недозвольных ее предшественником [ЕКАТЕРИНА 1997: 490–491]?

Теория общественного договора была известна в России с эпохи Петра I [ГЕУЕР 1982: 179; ЛОТМАН 1996: 31–34, 46–59]. Однако она никогда не имела особенного влияния даже в той его части, которая относится к Просвещению. Джон Локк был известен в России XVIII в. скорее как педагог, а не политический философ. Русский перевод его книги “Some Thoughts on Education” (публ. 1693) выдержал тогда не менее трех изданий [СК, 2: 161–162]. Если даже существовал русский перевод его сочинения об общественном договоре “Two Treatises of Government” (публ. 1690), он в течение XVIII в. так и не был издан; то же самое относится к книге Ж.-Ж. Руссо “Du contrat social ou principes du droit politique” (1754): русская популярность Руссо основывалась в XVIII в. на других его произведениях.

Приход Екатерины к власти в результате дворцового переворота был для нее исключительно прагматическим делом, которое не нуждалось в теоретических оправданиях. Мы знаем, что она не одобряла политической теории Локка [Омельченко 1993: 96–97]; в таком программном документе, как “Наказ” 1767 г., нет ни одного слова об общественном договоре, зато подчеркивается принцип богоизбранности [КАМЕНСКИЙ 1992: 172; ЕКАТЕРИНА 1767: 104 (§ 352)]. Вообще говоря, в России XVIII в. не было принято понимать взаимоотношения монарха и подданных рационалистически — скорее метафорически, прибегая к такой “естественной” и “святой” институции, как семья [ЕКАТЕРИНА 1767: 103 (§ 349); УИТТАКЕР 2003: 30, 130; SCHIERLE 2007: 287–288].

Мать и отец не нуждались в юридическом оправдании; о каком-либо договоре здесь не могло быть и речи. Выше говорилось о стремлениях несколько смягчить жесткость политической иерархии. Так, Екатерина не уставала подчеркивать свою “материнскую заботу” о подданных. С этой фразеологией мы часто сталкиваемся и в панегирической литературе, где императрицы прославляются как “матери” подданных. В России XVIII в. метафора “семьи” имеет такое же большое идеологическое значение, как в других культурах метафоры “корабля”, “тела” или “машины” государства.

В России XVIII в. богоизбранность монарха не подвергалась сомнению. Тем более поражает нас бесцеремонность, с которой осуществлялись дворцовые перевороты. Это свидетельствует о том, что авторитет российского монарха основывался в конечном счете не на его сакральности, а на том, были ли придворная знать и столичные гвардейцы довольны его правлением. Тем не менее ни монарх, ни подданные все

не отрекались от принципа богоизбранности самодержавной власти. Власть была выше индивидуального ее носителя: отвлеченный принцип самодержавия превалировал над конкретным лицом ее носителя [МАРАСИНОВА 1999: 134–157].

Абсолютный примат религиозного узаконения власти выражается в стремлении панегиристов объяснить тот или иной дворцовый переворот Божьим промыслом [VROON 2014] — вот представление, убедительность которого для русского человека XVIII века не следует недооценивать. С этой точки зрения события 28 июня 1762 г. происходили следующим образом: послав злого царя, Бог наказал русский народ за грехи; однако Он потом сожалелся, сверг злого царя и посадил на престол нового — хорошего; Бог при этом появился на исторической сцене в роли театрального *deus ex machina* [ТАМ ЖЕ: 580]. Эта благочестивая схема позволяла спокойно отступить от клятвы старому императору и дать еще при его жизни клятву новому. В столетии дворцовых переворотов принцип богоизбранности был самообманом — *Lebenslüge* — русского абсолютизма XVIII в.

Этому самообману служила и панегирическая поэзия, что приводит нас к характерному и очень распространенному в ней приему — к христианской сакрализации властителя [УСПЕНСКИЙ, ЖИВОВ 1996: 286–302]. Поэты часто уподобляли Елизавету Петровну и Екатерину II не только богиням классической античности (страстную охотницу Елизавету — Диане, мудрую Екатерину — Минерве), но также Христу или Богородице (что могло восприниматься как кошунство [ТАМ ЖЕ: 255–257, 288–289]). Так, Хераскову в четвертой строфе его оды 1763 года на день рождения Екатерины II приходит на ум рождение Христа в Вифлееме [ХЕРАСКОВ 1961: 59–64]. Другие авторы, восхваляя и ту, и другую императрицу, прибегают к формуле “благословенна в женах”. Так поступает Ломоносов в последней строфе оды 1748 г. “На день восшествия на престол Елисаветы Петровны” [ЛОМОНОСОВ 2011, 8: 194–203] и в 18 строфе оды 1752 г. по тому же поводу [ТАМ ЖЕ: 448–455]. Мы наблюдаем подобное также у Сумарокова в 20 строфе оды 1755 г. в честь Петра I [СУМАРОКОВ 2009: 21–32] и, наконец, у Майкова в 14 строфе оды 1762 г. на восшествие на престол Екатерины II [МАЙКОВ 1966: 185–190]. Большое количество библейских намеков и цитат вообще типично для панегирической оды.

“Честный поэт”

Вера в святость русской монархии серьезно поколебалась только в течение XIX века. Тогда утратила свой престиж и панегирическая поэзия. Крупный ученый этого столетия говорит о литературном “сервилизме”, имея в виду тех “ораторов и поэтов” прошлого, которые “воскуряли фимиам по обязанности, нередко по приказанию, чаще из желания

получить награду или какие-нибудь преимущества”. Автор поэтому думает, что панегирики не могут “подлежать рассмотрению серьезной истории литературы” [ПЕКАРСКИЙ 1862, 1: 362].

Подобное можно прочесть у других авторов не только XIX, но и XX вв. Нужно ли подчеркивать, что такая оценка грешит анахронизмом? В России XVIII в. никто не считал предосудительным воспевать императора или императрицу. Восхвалять Бога было обязанностью каждого христианина; писать стихотворения в честь Его заместителя на земле не могло быть позором. Также не стоило презирать поэта за то, что он получил драгоценный подарок за свой панегирик — бриллиантовое кольцо, золотую табакерку или деньги: не только Бог был милостив и щедр, но также и монарх.

Кроме того, панегиристы могли выдвинуть в свою пользу аргумент о том, что они выполняли нравоучительную задачу: восхваляя адресата, они восхваляли добродетель. Это общее место, восходящее к античности [HARDISON 1962, 30–31], повторяется, например, у Державина. В одном из “примечаний”, которыми он снабжал свои стихотворения на старости лет, Державин пишет, что в его панегириках “ласкательные выражения” всегда содержат “нравоучение” [Кононко 1974: 86]: добродетельная Екатерина II была в глазах Державина образцом и для своих подданных, и для монархов других стран.

Отметим кстати, что в интересующую нас эпоху поэты писали свои панегирики не “по приказанию”, а по собственной инициативе [Живов 2002: 603]. Таким образом, панегирический текст являлся не средством государственной пропаганды, как в петровское время, когда панегиристы действительно писали по заказу [ГРЕБЕНЮК 1979]. При Елизавете Петровне и Екатерине II панегирик был как правило личным — и добровольным! — заявлением верноподданнической лояльности со стороны автора или того учреждения (Петербургской академии наук или Московского университета), от имени которого он публиковал свой текст. Этому исповедальному моменту соответствовала в панегирических одах форма лирического монолога от первого лица единственного числа.

Сомневаться а priori в искренности текстов не следует; скорее можно предположить, что в России XVIII в. многие подданные действительно благоговели перед монархом и любили его; в случае императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II такие чувства могли иметь даже эротический оттенок [Пумпянский 2000: 59; Клейн 2013: 201]. Вспомним тильзитские главы романа Толстого “Война и мир”, где Николай Ростов “весь поглощен был чувством счастья, происходящего от близости государя. [. . .] Он был счастлив, как любовник, дождавшийся ожидаемого свидания” [Толстой 1961: 344].

Были, конечно, и панегиристы, которые руководствовались скорее корыстолюбием, чем преданностью. Главным грехом панегириста с античности считалась лесть — *adulatio* [RONNING 2007: 46]. Поэтому авторы нередко чувствовали потребность уверять читателей в своей искренности. Отсюда и чувство вины, которое выражается в “Исповеди” Августина: “Я собирался произнести похвальное слово императору; в нем было много лжи, и людей, понимавших это, оно ко мне, лжецу, настроило бы благосклонно” [АВГУСТИН 1992: 72].

Однако в отношении ко лжи и лести не было единодушия [MAUSE 1994: 18]. В “*Institutio oratoria*” Квинтилиана панегирист должен держиваться истины, однако допускаются исключения, если это в общих интересах [QUINTILIEN 1975: 195 (2: 7, 25)]. Менандр в своей риторике заходит дальше: панегирист может прибегать к “выдумкам”, если только они правдоподобны — ведь публика не имеет никакой возможности проверить их [MENANDER 1981: 83].

Как обстоит дело с панегирической этикой в России? В 1741 г. здесь вышла книга, которая выдержала три издания в течение XVIII в., — “Придворный человек” [СК, 1: 254]. Это был русский перевод с французского перевода знаменитой книги “*Oráculo manual y Arte de prudencia*” (публ. 1647) испанского иезуита Бальтазара Грасиана. Его книга была главным учебником “политического” поведения, которое пользовалось чрезвычайной популярностью в эпоху абсолютизма и было распространено преимущественно в придворных кругах [Пумпянский 1983: 26–27; BARNER 1970: 135–150; BUCK 1991].

В борьбе за близость к трону и за благосклонность монарха успех был наивысшей ценностью. Придворная “политика” поэтому рекомендовала человеку непременно притворяться и скрывать свои цели. В книге Грасиана максима № 3 носит заглавие “Действовать скрытно”; здесь говорится не без фривольности: “От игры в открытую — ни корысти, ни радости” [ГРАСИАН 1981: 2]. Мы находим далекое эхо этой мудрости в петровское время в книге “Юности честное зерцало” (1717), где под № 20 читаем: “Умный придворный человек намерения своего и воли никому не объявляет, да бы не упредил его другой, которой иногда к тому ж охоту имеет” [ЮЧЗ 1976: 14–15]. Представление о неискренности придворного человека было общим местом в XVIII в. Его можно найти также в шутивном предисловии к моралистическому журналу “Трутень” (1769): лень мешает молодому редактору служить при дворе, где нужно “знать наизусть науку притворства [. . .]. Придворной человек всем льстит [. . .] и угождает случайным людям. . .” [САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 1951: 46].

Значение “политической” этики для панегиристов очевидно: можно было преспокойно воспевать и плохого властителя — дело тут было не в

истине и любви к добродетельному правителю, а в демонстрации изящного стиля и в собственной выгоде. Другого мнения придерживались просветители — они требовали панегирической честности. Вольтер написал “Lettre sur les panégyriques” в 1766 г.; это произведение было известно также в России². Автор обращается здесь к одному господину, который должен сочинить похвальную речь, однако испытывает при этом угрызения совести. Как быть? Отвечая ему, Вольтер прибегает к известной нам уже метафоре: нет сомнения, что есть много авторов, которые “воскуряют фимиам” недостойным адресатам. Он, напротив, настаивает на панегирической правдивости и иллюстрирует эту позицию импровизированным панегириком Екатерине II [VOLTAIRE 2008: 211] (Екатерина поблагодарила его в письме 29 мая 1767 г.). Немецкий просветитель Иоганн Кристоф Готшед также добивался панегирической правдивости. В той части его поэтики, где речь идет о “героических похвальных стихотворениях”, панегиристы не должны приписывать адресатам “неправильных свойств”: “презренная лесь” этого рода недостойна “честного поэта” [GOTTSCHIED 1751: 543, 544].

Многие русские авторы XVIII в. согласились бы с Готшедом и Вольтером. Они часто разоблачают “лесь” и обрушиваются на тех корыстолюбивых придворных, которые льстят властителю, мешая ему видеть злоупотребления, от которых страдают его подданные [WHITTAKER 2003: 162–163]. К этим критикам примыкает и князь М. М. Щербатов. Подобно Вольтеру и Готшеду, он начинает свое историческое “Рассуждение” о Петре I с того, что допускает “хвалу” правителям, если она только правдива и искренна, и предостерегает писателей от “лести” и “похлебства” [ЩЕРБАТОВ 2006: 286]. Его особенно раздражает христианская сакрализация правителей, и он осуждает “лесь”, которая “не стыдится, лясь царей Богу их уподоблять, и должный фимиам единому вышнему Существому — пред ними возжигает”. В дальнейшем Щербатов пишет также о катастрофических последствиях придворной лести: она поддерживает властителя в его “пороках”; в качестве устрашающего примера автор приводит Людовика XIV с его захватническими войнами [там же: 287].

В связи с этим представляет интерес и сатирическая басня Фонвизина “Лисица-Кознодей” 1787 г.³ Разоблачение лести метит здесь в панегирических ораторов. Лисица выступает с надгробным словом о Льве, умершем короле звериного царства, и возносит этого “кроткого владыку” до небес. Однако не все звери согласны с такой оценкой:

² Комментарий к “Lettre” называет два русских издания (1785, 1791), их переводчиком был И. Г. Рахманинов [VOLTAIRE 2008: 211]. Дальнейший перевод этого текста не сохранился. Он был осуществлен А. А. Нартовым (см. “Опыт исторического словаря о российских писателях” (1772) Н. И. Новикова [1987: 147]). Как мы еще увидим, Нартов также выступил в качестве панегириста.

³ О датировке см.: [GRASSHOFF 1962: 172].

О лесь подлейшая! — шепнул Собаке Крот. —
 “Я знал Льва коротко: он был пресуший скот,
 И зол, и бестолков, и силой вышней власти
 Он только насыщал свои тирански страсти.
 Трон кроткого царя, достойна алтарей,
 Был сплочен из костей растерзанных зверей!
 [. . .]
 Вот мудрого царя правление похвально!
 Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!

Услышав эту филиппику, циничная Собака удивляется простодушию Крота: кто возмущается тем, что “низка тварь корысть всему предпочитает”, тот, “видно, никогда [. . .] не жил меж людьми” [Фонвизин 1959, 1: 207–208].

Применяемое здесь требование панегирической правдивости играло большую роль в поэтическом сознании Державина-панегириста [Клейн 2013]. Но это было исключением на фоне общих поэтических привычек. Несмотря на многочисленные уверения русских панегиристов в противном, это требование *de facto* не имело большого значения в их практике. Приведем пример. Карамзин пишет в своей “Записке о древней и новой России” (1811), что “царствование Елизаветы Петровны не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного”; он называет ее “праздной” и “сластолюбивой” [КАРАМЗИН 1991: 40, 39] (см. также: [Анисимов 1999]). Однако Ломоносов посвятил Елизавете Петровне целый ряд похвальных од, причем он компенсировал недостаток панегирических аргументов блеском одического стиля и грандиозной картиной России как идеального государства раннего Нового времени.

Правда, современники не скупались на критику ломоносовских од, но они имели в виду при этом лишь такие формальные вещи как язык, стиль и версификацию. Что же касается панегирического содержания этих од, то оно подвергалось критике только к концу XVIII в., когда Елизаветы Петровны и самого Ломоносова уже давно не было в живых. Державин радовался тому, что, в отличие от Ломоносова, ему не нужно было прославлять Елизавету Петровну, и считал себя счастливым, что адресатом его похвальных стихотворений была такая добродетельная монархиня, как Екатерина II [Клейн 2013: 188–191]. А Радищев обратился в своем “Слове о Ломоносове” к поэту со следующими словами: “Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете” [Радищев 1992: 121].

Однако если Ломоносов как “певец Елисаветы” не мог претендовать на панегирическую “истину”, он зато мог гордиться своим патриотизмом. В политическом сознании эпохи монарх олицетворял принцип

российской государственности. Эту роль он играл независимо от своих личных качеств, единственно в силу своего сана. Восхваляя царя, поэт восхвалял и отечество. По этой логике понятно, что Ломоносов мог в 1741 году поздравить одой “Первые трофеи его величества Иоанна III” с победой над шведами императора Иоанна Антоновича, который тогда был еще младенцем (и которого в следующем году свергла Елизавета Петровна) [Ломоносов 2011, 8: 39–47]. Дело в том, что отвлеченный принцип абсолютной монархии превалировал над личными — случайными — качествами индивидуального монарха. Этим объясняется удивительный для нас факт, что абсолютная монархия в России ничего, по-видимому, не потеряла для своего авторитета вследствие дворцовых переворотов: “[И]дея самодержавия была выше идеи самодержца, его личности и даже его жизни” [Марасинова 1999: 68].

Панегирист и его карьера

Как мы видели, индивидуальные свойства и заслуги адресатов не обязательно имели решающее влияние на практику панегиристов. Понятно поэтому, что они не стеснялись сменить сторону в случае дворцового переворота, как например А. А. Ржевский. Он написал в 1762 г. оду на восшествие на престол Петра III, законного преемника Елизаветы Петровны [Ржевский 1762А]. В другой оде того же года он горячо благодарит нового императора за отмену принудительной дворянской службы [Ржевский 1762Б]. Однако через несколько месяцев Петр III был свергнут своей супругой, будущей императрицей Екатериной II. Ржевский, не унывая, отреагировал на ее приход к власти новой одой [Ржевский 1762В], во второй строфе которой он убедительно уверяет адресата в своей безыскусственной искренности и своем отвращении к лести. Такие уверения встречаются, как мы уже знаем, также у других панегиристов, но в данном случае они получают особую актуальность:

Я, Музы, к вам не прибегаю:
На что песнь ету украшать,
Коль то, что в сердце ощущаю,
Стремлюся здесь я воспевать?
Стихи такие украшают,
Где лestia, хвалами возвышают,
Притворством строя песнь свою.
Я ныне лести удалюся,
Во след я правде устремлюся,
И радость нашу воспою.

Специфическая ситуация Ржевского-перебежчика сказывается еще в другом отношении. Это видно в сравнении с Ломоносовым. Подобно

Ржевскому, Ломоносов в 1761 г. воспел восшествие на престол не только Петра III [Ломоносов 2011, 8: 682–690], но и Екатерины II в 1762-м [там же: 701–709]. В последней оде он не только ликует по поводу ее прихода к власти, но и возмущается политикой свергнутого ею предшественника. Ржевский, напротив, проявляет в своей оде Екатерине по отношению к режиму Петра III мудрую сдержанность: восхваляя новую императрицу как спасительницу, он сводит полемику против прошлого режима к необходимому минимуму. Он говорит лишь о каком-то “зле”, своеобразии которого расплывается в аллегорическом тумане.

При всех уверениях Ржевского в преданности новой власти было, конечно, ясно, что он сменил сторону. Однако ему повезло в том, что Екатерина относилась к бывшим приверженцам Петра III снисходительно, так что никто не был наказан. Что же касается Ржевского, то он мог выдвинуть в свою защиту, что он своей сменой стороны дал хороший пример остальным дворянам. Ведь Екатерина должна была радоваться каждому заявлению лояльности, пока ее положение после захвата власти еще не было упрочено. Также надо учесть, что в России XVIII в. не хватало грамотного персонала для администрирования империи. Впоследствии никто не мешал Ржевскому сделать блестящую карьеру.

“Урок царям”?

Сомнения нет: с помощью похвальных од можно было сделать карьеру в Петербурге Елизаветы Петровны и Екатерины II не хуже, чем в Берлине Фридриха I и в Дрездене Августа Сильного. Однако такие стихотворения имели кроме продвижения автора еще другие — более благородные — функции. Как было уже сказано, русская панегирическая литература носила сугубо позитивный характер. Всякое сомнение в мудрости правителя — заместителя Бога на земле — было исключено. То, что сегодняшний читатель мог бы прочесть как завуалированную критику, прошло бы тогда незамеченным: такому пониманию противостояли коммуникативные условия панегирической литературы. Однако это только одна сторона медали: несмотря на все политические ограничения, панегиристы могли отстаивать определенные интересы надличного характера. Когда, например, Ломоносов апеллировал в своих одах к “щедрости” императрицы, он заботился не только о себе, но также о пользе науки и Петербургской академии, профессором которой он состоял. Аналогично обстоит дело с теми панегиристами, которые принадлежали к духовенству [Матвеев 2009; Di Salvo 2014] или к немецким жителям российской империи [Екуч 2010; Graubner 2013].

В связи с функциями панегирической литературы нередко говорят также о дидактическом или увещательном замысле авторов по

отношению к адресату. Г. А. Гуковский, например, говорит в своей классической истории русской литературы XVIII в., что Ломоносов выступал в своих одах “учителем и вдохновителем” Елизаветы Петровны, что “он взял на себя обязанность [. . .] объяснять царице ее обязанности” [Гуковский 1939: 99].

Однако такая интерпретация не учитывает той огромной социальной дистанции, которая разделяла абсолютного монарха и панегириста: “всеподданнейший раб” не мог осмелиться поучать царственного адресата. Это было возможно лишь в одном случае: когда панегирист обращался к будущему правителю. Так, Сумароков в своем торжественном слове на седьмой день рождения наследника престола Павла Петровича в 1761 году обращается к своему юному адресату как к школьнику: “Обучайся прилежно, не теряй времени, и не противься приставникам Твоим. . .” [Сумароков 1781: 284].

Не менее проблематичным, чем представление о дидактической или увещательной функции панегирической литературы, является понятие “advice literature”, согласно которому русская политическая, в том числе и панегирическая литература XVIII века носит консультативный характер [Whittaker 2003]. И в этом случае нельзя не потерять из вида коммуникативные закономерности русского абсолютизма: давать советы императору было задачей придворных вельмож, и то лишь тогда, когда император обращался к ним с соответствующей просьбой; партикулярные лица, как, например, Ломоносов, тут были ни при чем.

Аналогично обстоит дело с представлением о политической литературе как о “диалоге” между абсолютным монархом и его поданными [Whittaker 2003]. О таком диалоге мечтал Радищев. Разоблачая в своем “Путешествии из Петербурга в Москву” многообразные злоупотребления Российской империи, он мечтал вступить в политический диалог с Екатериной II [Клейн 2006: 409–410]. Однако всякий политический диалог предполагает интеллектуальное равноправие — принципиальную готовность собеседников признать правоту противных аргументов. Именно об этом не могло быть и речи со стороны императрицы, которая прокомментировала книгу Радищева ироничной фразой “Птенцы учат матку”, что соответствовало известному нам уже представлению об абсолютной монархии как политической “семье”: с матерью не спорят.

Мне известен только один русский автор, который обратился в своих панегириках к монарху с политическими увещаниями или советами, — это был Карамзин. В пятой строфе его оды 1801 г. на восшествие на престол Александра I [Карамзин 1966: 261–264] панегирический субъект обращается к новому императору как “воспитаннику Екатерины”: поскольку Александр “еще млад” (ему было тогда только

23 года), перед ним еще много времени для добрых дел. В дальнейшем панегирист полагает, что, благодаря Суворову и его успехам в войне с Наполеоном, Россия пожинала достаточно “лавров славы”. Поэтому он советует Александру I избегать “ужасов войны”: теперь пора быть “гением покоя” и заботиться о “счастье” подданных (стр. 8). 10-я строфа содержит призыв к Александру исправить придворные нравы — увещевание, в оправданности которого тогда никто бы не сомневался. В строфах 11–12 речь идет об одном из главных зол абсолютной монархии — о фаворитизме, которого нужно остерегаться.

Перед нами смена политических эпох: панегирический субъект у Карамзина уже не выступает “всенижайшим” подданным абсолютного правителя, но — при всем уважении к легитимной власти — “совершеннолетним” гражданином в духе Просвещения. Так был обозначен путь, по которому другие русские поэты, однако, не решались идти: Карамзин-панегирист стоит в этом отношении не в начале нового литературного развития, а в конце старого.

Апелляция к общим ценностям

Когда речь идет о политических функциях русских панегириков, заслуживает особенного внимания ломоносовская ода на восшествие на престол Екатерины II [Ломоносов 2011, 8: 701–709]. Панегирический субъект обращается в 17-й строфе к власть предержащим мира сего, а с тем и к императрице, призывая их соблюдать Божье право:

Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святыя
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Бог благословит ваш дом.

Судя по внешней форме, перед нами увещевание монарху, причем еще очень настоятельное. Однако отметим, что панегирический субъект говорит здесь тоном библейского пророка; приведенная строфа напоминает 81-й (82-й) псалом. Это значит, что панегирический субъект выступает не от собственного лица, а от имени более высокой инстанции. Далее следует учесть, что в приведенной цитате утверждаются принципы, которые тогда никто бы не оспорил, как, например, обязанность царя воспитать подданных и освободить их от “пороков”.

То же самое можно сказать о призыве к властителям, чтобы они соблюдали “святые законы”. Согласно традиционной формуле европейского абсолютизма “*legibus absolutus*”, монарх стоял выше законов, однако это относилось только к земным, а не “святым”, т. е. Божьим законам. Екатерина поэтому обвиняет во втором Манифесте от 6 июля 1762 г. своего свергнутого супруга Петра III в том, что он нарушил закон Божий. Далее она упрекает его в нарушении “естественных гражданских” законов [ЕКАТЕРИНА 1997: 492–493], причем она сама выступает в качестве просвещенной монархини, власть которой ограничена не только небесными, но и земными законами.

В свете ценностей, которыми Екатерина руководствуется в своем манифесте, мы понимаем, что Ломоносов высказывает в своей оде принципы, которым она бы не противоречила, скорее напротив. Его панегирический субъект не увещевает императрицу, а утверждает общность фундаментальных принципов, причем использование псалмического тона характеризует эти принципы как святые: перед нами установка панегириста на бесспорность политических ценностей и презумпция идеологического родства с высочайшим адресатом.

Панегирические оплошности

Главной целью панегиристов было угодить адресату, добиться его благосклонности. Однако при этом возникала трудность, известная всем оппортунистам: нужно было знать, откуда веет ветер. Эта трудность была особенно актуальна в начале нового царствования. Также при предполагаемой общности фундаментальных ценностей возникали вопросы о том, какие конкретные решения примет новый монарх и какие цели он будет преследовать. Панегиристу помогали в этой ситуации официальные прокламации, которые публиковались после смены власти. Тем не менее он мог ошибиться, он мог говорить вещи, которые не нравились адресату. Эта возможность была тем более актуальна, поскольку политика русского, как и европейского, абсолютизма была окружена *agapanon* — вуалью официального секрета, так что панегиристы часто писали наугад, не обладая нужной информацией.

Поэтому не обходилось без политических оплошностей. Приведем в качестве примера одну оду А. В. Нарышкина. Это стихотворение было написано по поводу смерти Елизаветы Петровны и восшествия на престол ее преемника Петра III [Нарышкин 1762А]. Однако в этом тексте прославляются не только покойная императрица и новый император, но и Екатерина Алексеевна, супруга последнего и будущая императрица Екатерина II. Автор уделяет ей немало внимания. В последних трех строфах он обращается и к Петру III, и к Екатерине, причем Нарышкин

явно не знал того, что не было тайной в Зимнем дворце: Петр III ненавидел и презирал супругу⁴.

Ксенофобские пассажи в одах Ломоносова и Сумарокова на восшествие на престол Екатерины II представляют собой такую же оплошность [Ломоносов 2011, 8: 701–709; Сумароков 2009: 60–69]. Эти выпады были направлены в первую очередь против немцев, которыми окружил себя Петр III и за которыми он действительно признавал возможность влияния на государственные дела. Однако соответствующие места можно было понимать у обоих авторов также как нападки вообще на живущих в России немцев. В 22-й строфе сумароковской оды речь идет об “иноплеменниках”, которые “ругались, / Во градах наших, явно нам”; далее читаем: “В себе Россия змей питала, / И ими уязвлена стала”. В 19-й строфе ломоносовской оды поэт обращается укоризненно к тем, которые “уже от древних лет” живут в России, злоупотребляя “вольностью златой” богослужения, которая была им предоставлена со стороны великодушной России.

Ломоносов и Сумароков, воодушевленные патриотическим гневом, очевидно, забыли, что не только Петр III, но и сама Екатерина II были немецкого происхождения. Вспомним, кстати, что Екатерина скоро после прихода к власти пригласила немецких подданных на поселение в Россию.

О задачах монарха и миссии российской государственности
В завершение настоящей работы мне хотелось бы вернуться к одному обстоятельству, о котором уже шла речь в ее начале: русские панегиристы выражали в своих текстах совершенно различные и даже противоположные политические убеждения. В связи с этим заслуживают

⁴ Этот faux pas встречается также у других авторов: у Богдановича в последней строфе оды 1762 г. на восшествие на престол Петра III [Богданович 1762] и у Сумарокова в последней строфе оды 1761 г., написанной по тому же поводу [Сумароков 2009: 239–244]. Панегирический субъект Богдановича просит Божьей благодати не только для нового царя, но также для его супруги. У Сумарокова панегирический субъект обращается к Екатерине Алексеевне за заступничеством у нового императора. Один исследователь обнаруживает у Сумарокова в связи с этим признак “определенного гражданского мужества” [Каменский 2009: 649]. Он обосновывает эту интерпретацию указанием на манифест Петра III, опубликованный по поводу его восшествия на престол. Здесь не были упомянуты ни его супруга, ни его сын, наследник престола Павел Петрович (в законности рождения которого сомневался император). Политическое значение этого “громкого молчания” было очевидно для кругов, близких к правительству. Однако ни Нарышкин, ни Богданович, ни Сумароков к этим кругам не принадлежали. Поэтому трудно себе представить, что им было известно, когда они писали свои оды, в какой мере были подорваны отношения Петра III и Екатерины Алексеевны. Думается скорее, что они просто считали приличным оказать честь в своих стихотворениях не только новому императору, но и его супруге.

особенного внимания те тексты, которые появились в начале 1760-х гг., то есть вокруг дворцового переворота Екатерины II 28 июня 1762 г.⁵

Одна из главных политических тем в творчестве панегиристов касалась задач абсолютного монарха и принципов российской государственности. Некоторые из авторов думали, что самая важная задача царя заключается в том, чтобы усилить власть Российской империи и ее международный престиж — ее “славу”. Это явствует из некоторых стихотворений, которые были написаны по случаю мирного договора, заключенного 24 апреля 1762 г. между Россией и Пруссией. Договор подтвердил конец русского участия в Семилетней войне — к великой радости Фридриха II и к великой досаде французских и австрийских союзников России.

Петр III руководствовался в этом деле не только своим безграничным благоговением перед прусским королем, но и политическим расчетом. Будучи русским императором, он также был одновременно и герцогом Гольштейн-Готторпским, поэтому надеялся на помощь Фридриха II в своих притязаниях на земли Дании. Этим объясняется тот очень странный факт, что Петр III отказался в мирном договоре без всяких условий от Восточной Пруссии, которая была оккупирована русскими войсками и формально аннексирована еще при Елизавете Петровне.

Территориальный отказ был тем более неожиданным, что Россия находилась после побед под Гросс-Егерсдорфом (1757) и под Франкфуртом (1759) в чрезвычайно выгодной позиции для переговоров с Пруссией. Неиспользование этой позиции Петром III вызвало гневную реакцию в России, оно же содействовало свержению Петра с российского престола и захвату власти его супругой — будущей Екатериной II. Политические страсти, возбужденные мирным договором Петра III, отразились в манифесте, который был обнародован Екатериной в самый день дворцового переворота. С ее точки зрения, этот договор равнялся русской капитуляции. Речь идет о “совершенном порабощении” русского победителя побежденной Пруссией, Фридрих II называется здесь “злодеем” [Екатерина 1997: 490].

Подобные мотивы звучат также в ряде стихотворений, написанных на восшествие Екатерины II на престол. Авторами были, кроме Ломоносова и Сумарокова, В. И. Майков [1966: 185–190], А. А. Нартов [1762] и Н. В. Лентьев [1762]. Возмущение позором мирного договора достигает высшей точки в 21-й строфе сумароковской оды, где панегирический субъект вопиет: “О мир! о трепроклятый мир!” Он в этой строфе также гневается на “пышный пир”, которым Петр III отпраздновал союзный договор с Пруссией, заключенный через полтора месяца после мирного договора и за несколько недель до дворцового переворота [Сумароков 2009: 60–69].

⁵ Эти тексты разбираются с другой точки зрения также в: [VROON 2014].

Негодовал и Ломоносов [Чернов 1935: 165–180; Schulze Wessel 1993]. Как было уже сказано, он до своей оды на восшествие на престол Екатерины II написал также оду на восшествие на престол Петра III [Ломоносов 2011, 8: 682–690]. В этом стихотворении особенно интересны строфы 8–11. Они содержат такой художественный прием, как прозопопея. Мы уже сталкивались с этим распространенным приемом панегирической оды: панегирический субъект прерывает свой монолог и уступает слово более высокой инстанции — Богу, библейскому пророку или, как в данном случае, духу Петра I. Покойный император высказывает убедительное желание, чтобы Петр III продолжал политику Елизаветы Петровны — чтобы и он восторжествовал над прусскими “злодеями” (стр. 11); вспомним первый манифест Екатерины, где эта инвектива относится к Фридриху II.

Перед нами еще одна политическая оплошность. Не будучи членом придворного общества, Ломоносов явно не знал, что политические планы Петра III были очень далеки от его, Ломоносова, патриотических ожиданий. Политика территориального отказа, проведенная императором-прусофилом, оказалась для поэта неприятным сюрпризом, что видно из 6-й строфы его оды на восшествие на престол Екатерины II⁶. Панегирический субъект здесь не может постичь, что “кровью куплены Трофеи”, т. е. Восточная Пруссия, были уступлены “в напрасной дар” прусским врагам, которые называются “злодеями” и здесь. Строфа кончается чувством радостного облегчения, испытываемого панегирическим субъектом при мысли, что этот “удар” теперь “отвращен” благодаря новой императрице:

Слышал ли кто из в свет рожденных,
 Чтоб торжествующий народ
 Предался в руки побежденных? —
 О стыд, о странной оборот! —
 Чтоб кровью куплены Трофеи
 И победителей злодеи
 Приобрели в напрасной дар
 И данную залогом веру?
 В тебе, Россия, нет примеру,
 И ныне отвращен удар.

В этой оде Ломоносова выражается надежда на возобновление войны с целью снова овладеть Восточной Пруссией. Именно к этой цели стремился и фельдмаршал П. С. Салтыков: узнав о дворцовом перевороте, он снова оккупировал Кенигсберг [Соловьев 1965: 149]. Подобно

⁶ В интерпретации этой трудной и несколько темной строфы я следую комментарию Г. П. Блока и Т. А. Красоткиной [2011: 1050].

Ломоносову и Сумарокову, он не знал, что новая императрица с самого начала решила подтвердить русско-прусский мирный договор во всех пунктах — тот же самый договор, который она осудила в своем первом Манифесте не менее резко, чем Ломоносов и Сумароков⁷.

Имперское сознание, о котором свидетельствует реакция Ломоносова и Сумарокова на мирный договор Петра III, сказывается также в других произведениях этих авторов. В 16-й строфе оды Петру III Ломоносов говорит о будущей внешней политике царя на Дальнем Востоке: “Хины, Инды и Яппоны” должны подчиниться “законам” Российской империи [Ломоносов 2011, 8: 682–690]. Мы сталкиваемся с этой темой также в оде Ломоносова Екатерине II на Новый год 1764-й [там же: 717–727]. Здесь снова идет речь о напряженной ситуации на Дальнем Востоке: Китай, этот “напыщенный исполин”, должен “страшиться” “гневу Роскаго” (стр. 26, 27). Мы читаем подобное в “Дифирамве” Сумарокова на тезоименитство Екатерины (1763): “Хинская стена дрожит: / Тамо меч Российский блещет, / Ужасенный Хин трепещет, / И в Пекин от стен бежит” (стр. 7). В восьмой строфе того же стихотворения предсказывается, что “[б]удут поздни Россов дети, / Всею Азией владети” [Сумароков 2009: 90–93].

Ломоносов и Сумароков выразили идеал имперской государственности. Однако другие панегиристы этого времени придерживались других убеждений. Они руководствовались идеалом, близким к человеколюбивым учениям Просвещения⁸. Это были поэты нового поколения. Херасков, их самый значительный представитель, был на 22 года моложе Ломоносова и на 16 лет моложе Сумарокова. Издатель литературных журналов и лидер поэтического кружка, Херасков имел значительное влияние на молодых литераторов.

В 1762 г. он опубликовал в своем журнале “Полезное увеселение” панегирическое стихотворение, в котором восхваляется мирный договор Петра III [Херасков 1762А]. В отличие от литературных условностей того времени, это была не ода, а “идиллия”. Херасков прибегает здесь к образному языку мира, изображая пасторальный пейзаж с традиционными мотивами *locus amoenus*’а, пения и любви.

Однако прежде всего бросается в глаза не жанр, а сам факт посвящения Херасковым похвального стихотворения прусско-русскому миру. Ломоносов, Сумароков, Майков и другие панегиристы, приверженцы

⁷ Тогда Екатерина явно считала целесообразным присоединиться к общему возмущению; во втором Манифесте от 6 июля 1762 г. она избегает этой темы, явно по соображениям политической осторожности [Екатерина 1997: 491–497].

⁸ О противоположности идеи “властного государства” (*Machtstaat*) и гуманного представления о государстве (*humanitäre Staatsidee*) в XVIII в. см.: [Мейнеске 1957: 334–335].

“властного государства”, встретили это эпохальное событие молчанием. Идиллия Хераскова примечательна также отсутствием патриотических мотивов: блестящие победы русских войск не упоминаются ни одним словом; иначе не могло и быть в таком миролюбивом жанре, как идиллия. Здесь речь идет о войне только в связи с ее ужасами (стр. 2, 3).

Другие авторы в 1762 г. также восхваляют Петра III как миролюбивого правителя, но только мимоходом: Ржевский в четвертой строфе своей благодарственной оды [РЖЕВСКИЙ 1762Б] и И. С. Барков в третьей строфе своей оды на день рождения Петра III [БАРКОВ 1961]. В идиллии Хераскова, напротив, тема мира является главной: мир здесь предстает абсолютной ценностью, наряду с которой неудовольствие прусско-русским мирным договором кажется так же незначительным, как и победы прошлого.

Правда, Херасков написал в свое время небольшую оду на русскую победу под Франкфуртом — “Солнце славы” [ХЕРАСКОВ 1760], но теперь, в мае 1762 г., это было событием почти трехлетней давности (битва произошла 12 августа 1759 г., и с тех пор война тянулась без ясных результатов). Поэтому идиллию Хераскова можно прочесть как выражение усталости от войны — усталости, которая распространилась в течение очень длительной, кровавой и разорительной кампании. С тех пор умножились волнения крестьян, которые страдали от рекрутчины [СОЛОВЬЕВ 1965: 119–120]. Русские войска в Пруссии дожидались своего жалования уже восемь месяцев, и в Петербурге цена хлеба повысилась вдвое [БИЛЬБАСОВ 1900, 2: 205]. Ратифицируя мирный договор Петра III несмотря на возмущение патриотов, мудрая императрица отдала дань потребностям настоящей ситуации.

Тема мира вообще играет важную роль в панегириках, написанных Херасковым в течение 1760-х гг. Только его ода 1762 г. на восшествие Екатерины на престол является исключением [ХЕРАСКОВ 1809: 60–62]: подобно императрице в ее втором Манифесте от 6 июля 1762 г., Херасков избегает в этой оде темы мира, по-видимому, боясь выступить против общего настроения. Однако после того, как всем стало ясно, что Екатерина не собирается отменить этот договор, мир перестал быть щекотливой темой. Об этом свидетельствует, например, похвала миру в панегирической эпистоле Хераскова на тезоименитство Екатерины 24 ноября 1762 г. [ХЕРАСКОВ 1762Б]. Миролюбивая Екатерина II, “владычица сердец”, противопоставляется здесь тем монархам, которые хотят “славиться победами”: только такой монарх, перед которым “сердца рабов пылают”, заслуживает названия “земного Бога” (ст. 1–12). Пафос мира встречается также в оде Хераскова 1763 г. на день рождения императрицы и в его одах на первую и особенно на вторую годовщину ее восшествия на престол [ОН ЖЕ 1961: 59–64; 1809: 64–81].

Миролюбие Хераскова свидетельствует о его просвещенном отращении к идеалу воинственного правителя и властного государства, общего для Ломоносова, Сумарокова и других поэтов (это миролюбие характерно также для известной нам уже оды Карамзина на восшествие на престол Александра I). Противопоставление “ложной” и “истинной” славы, с которым мы столкнулись в панегирической эпистоле Хераскова 1762 г., повторяется в его оде Екатерине на вторую годовщину ее восшествия на престол [ХЕРАСКОВ 1809: 74–81]: истинная слава основывается не на “громких песнях” и на “высокости трона”, а на благодеяниях, которыми монарх осчастлиливает подданных (стр. 13). Обращаясь к императрице в 11-й строфе этого стихотворения, панегирический субъект восхваляет ее за заботу о “благополучии народа” и то, что она “озаряет блаженством” всех подданных.

Понятие “блаженства”, которое встречается в оде три раза (стр. 3, 11, 17), соответствует знаменитой фразе “pursuit of happiness” из американской конституции: это было ключевое понятие европейского Просвещения [HAZARD 1963: 23–34] и екатерининской пропаганды 1760-х гг. В манифесте от 24 октября 1762 г. новая императрица говорит о том, что она “ежедневно” печется “о добре общем”, что ее цель — “радость, удовольствие и порядок” подданных; она хочет способствовать “внутренней тишине и благосостоянию” империи [ЕКАТЕРИНА 1830: 91]. Мы читаем подобное в ее наставлении 1764 г. князю А. А. Вяземскому; этот текст не был предназначен для публикации. Императрица говорит здесь о “благоденствии” подданных; ее мысли “все к тому лишь только стремятся, чтоб как извнутри, так и вне государства сохранить тишину, удовольствие и покой” [ЕКАТЕРИНА 1965: 324].

Человеколюбивые лозунги подобного рода встречаются не только у Хераскова, но и у других панегиристов его кружка, например у А. В. Нарышкина, приверженца Просвещения; позднее он был лично знаком с Дидро и Беккариа [СТЕПАНОВ 1999А: 328]. Его ода 1762 г. на смерть Елизаветы Петровны и на восшествие на престол Петра III вышла в журнале Хераскова “Полезное увеселение” [НАРЫШКИН 1762А]. В этом стихотворении упоминается три раза “блаженство” подданных (стр. 10, 14, 15) и шесть раз — их “счастье” (стр. 3, 10, 13, 14, 16, 20). Сюда примыкает также слово *человечество*, которое употребляется не в современном собирательном значении, а в моралистическом смысле “гуманности”, что соответствовало тогдашнему узусу французского языка⁹. Так, покойная

⁹ См. [САР, 6: 690]. Слово *человечество* толкуется здесь как ‘человеческая природа’, ‘человеколюбие’, ‘чувствительность к несчастьям другого’. Сегодняшнее собирательное значение этого слова отсутствует как здесь, так и во французской “Энциклопедии”. Одним из названных здесь значений слова *humanité* является ‘универсальное человеколюбие’: “. . . un sentiment de bienveillance pour tous les hommes” [ENCYCLOPÉDIE 1765: 348].

императрица восхваляется в восьмой строфе за то, что она предпочитала “человечество” всем другим ценностям. В 20-й строфе панегирический субъект восклицает: “О человечество драгое. . .”

Просвещенное представление об идеальном правительстве, которое подразумевается в таких выражениях, встречается также у С. В. Нарышкина, старшего брата А. В. Нарышкина и такого же любителя Просвещения; когда Дидро был несколько месяцев в Петербурге в 1773–1774 гг. по приглашению Екатерины II, он гостил у С. В. Нарышкина [Степанов 1999б: 331]. В 1762 г. тот же самый Нарышкин посвящает Екатерине II без особого повода панегирическую эпистолу [Нарышкин 1762в]¹⁰. Выбирая эту жанровую форму, автор избегает восторженного тона высокой лирики в пользу более спокойной тональности; использование типического тогда для эпистолярного жанра шестистопного ямба (вместо четырехстопного ямба оды) замедляет ритм. Высокий стиль уступает место среднему, вместо риторической пышности царствует простота. Обращаясь к императрице без официального повода, автор создает иллюзию спонтанности. Прибегая к известному нам уже общему месту, панегирический субъект уверяет адресата в своей безыскусственной искренности и правдивости: “Монархиня! Не Гимн тебе я подношу, / Я истинну, и то, что чувствую, пишу” (ст. 87–88).

Похвала властителю сопровождается в эпистоле С. В. Нарышкина политической рефлексией. Автор начинает с вопроса: что именно имеется в виду, когда мы называем монархов “земными богами”? Ответ гласит: это оправдано только в том случае, когда государь является не жестоким, а любящим монархом, который подражает Богу тем, что дарует подданным “блаженство”. С этой мыслью мы уже столкнулись в эпистоле Хераскова Екатерине [Херасков 1762б]. Однако там шла речь также о богоизбранности монарха (ст. 36), тогда как здесь понятие монаршей власти имеет исключительно секулярное значение, типичное для Просвещения: правитель легитимируется уже не Божьей милостью, а своей заботой о благополучии подданных (однако идея общественного договора и соответствующих прав подданных отсутствует и здесь). Представление божественности, которое обладало в связи с принципом богоизбранности монарха субстанциональным значением, превращается здесь в простую метафору. Громоздятся гуманные лозунги — семь раз “блаженство” или “блаженна часть” (ст. 8, 11, 23, 78, 81, 85, 90), шесть раз “щастье” или “шастливый” (ст. 35, 77, 82, 86, 94, 104).

Любовь С. В. Нарышкина к Просвещению выражается особенно настоятельно в конце эпistolы, где Екатерине присуждается почетный титул европейского Просвещения — титул платоновского “философа на престоле” (стр. 77–84):

¹⁰ Интерпретацию этого текста см.: [Vroon 2014: 571–572].

Какоеж общество щастливо дни проводит?
И где блаженну часть всяк подданной находит?
С писаньем древним мысль нам должно согласить,
И истинной слова мужей тех славных чтить,
Которы общества блаженство прямо знали,
И тот один народ счастливым называли,
Где философ царем, иль царь сам философ.
В тебе монархия нам дан монарх таков! . .

От мира к войне

После Семилетней войны в русской литературе на несколько лет воцарилось миролюбие. Это относится не только к Хераскову и его последователям, но и к Сумарокову (Ломоносов писал свою последнюю оду Екатерине в 1763 г.; он умер в 1765 г.). Правда, Сумароков еще избегает темы мира в своей оде 1762 г. на тезоименитство Екатерины [Сумароков 2009: 70–73]. Однако в оде на Новый год 1763-й [там же: 74–83] он приветствует “тишину”, чем меняет свою политическую ориентацию в соответствии с правительственной линией. Он это делает в осознании того, что “бесславный мир” Петра III стал теперь “беспорочным” (стр. 17). Что здесь имеется в виду? Действительно, Екатерина не тронула мирного договора своего предшественника с Фридрихом II, однако она отменила его союзный договор с прусским королем, заключенный через полтора месяца после мирного договора. В таких условиях Сумароков мог успокоиться мыслью, что победоносная Россия заняла теперь независимую и честную позицию, уже не будучи “подвластной” побежденной Пруссии.

Однако мирные времена, которые наступили в России после Семилетней войны, продолжались не очень долго — они кончились в 1768 г. подавлением польского восстания и началом Первой турецкой войны (1768–1774). Екатерина теперь сменила, как скоро стало ясным, внешнеполитический курс в пользу имперской идеи и колоссального расширения государственной территории в ущерб Польше и Османской империи.

Не все были тогда согласны с этой сменой политического направления [Jones 1984], но это не смутило панегиристов. В новой ситуации они не хотели стоять в стороне [Зорин 2001; Проскурина 2006]. Сумароков написал в 1769 г. триумфальную оду на взятие турецкой крепости Хотин и на покорение Молдавского княжества [Сумароков 2009: 142–146]. Заслуживает внимания в связи с этим также текстуальная история его оды Екатерине на Новый год 1763-й [там же: 74–83]. Вторая редакция этого стихотворения вышла в 1769 г. Как установил Р. Вроон в своем комментарии, в ней отсутствовали строфы 17–21 [Вроон 2009а:

307; 2009б: 410–411]: они содержали осуждение военной агрессии, которое было направлено против Фридриха II, зачинателя Семилетней войны. Теперь такая установка уже не казалась уместной. Авторы прежде любили повторять вслед за Херасковым общее место об “истинной” славе миролюбивого правителя и “ложной” славе завоевателя¹¹. Эта просвещенческая формула вышла теперь из употребления, поэты предпочитали воспевать русские победы, причем Державин отличился перед всеми своей монументальной одой на взятие Измаила [Державин 1864: 237–247].

Военный дух времени окрылял и Хераскова. Когда русский флот одержал блестящую победу над турецким флотом в 1770 г., он написал по этому поводу небольшую эпическую поэму “Чесмесский бой” (опубл. 1771). Через восемь лет Херасков достиг вершины своего поэтического пути, создав “Россияду”, панегирический эпос в двенадцати песнях о взятии Казани Иоанном Грозным в 1552 г. Екатерина предстала на фоне этого сочинения славной продолжательницей триумфальной традиции, которая восходила через Петра I к Древней Руси.

Библиография

Источники

Августин 1992

АВГУСТИН АВРЕЛИЙ, “Исповедь”, в: АВГУСТИН АВРЕЛИЙ, *Исповедь*, ПЕТР АБЕЛЯР, *История моих бедствий*, Москва, 1992, 7–258.

Барков 1961

БАРКОВ И., “Ода на всерадостный день рождения [. . .] государя Петра Федоровича. . .”, в: Г. П. МАКОГОНЕНКО, И. З. СЕРМАН, сост., *Поэты XVIII века*, 1, Ленинград, 1961, 172–176.

Богданович 1762

БОГДАНОВИЧ И. Ф., *Ода его императорскому величеству [. . .] Петру Федоровичу [. . .] на всерадостнейшее восшествие на престол, которую приносит всеподданнейший раб Ипполит Богданович. 1762 года генваря __ дня*, Москва, 1762.

Вечера 1772

Вечера, еженедельное издание на 1772 год, С.-Петербург, 1772.

¹¹ См. шестую строфу оды А. В. Нарышкина Петру III [Нарышкин 1762б]; третью строфу оды Ржевского на день рождения Елизаветы Петровны и в день ее восшествия на престол [Ржевский 1761]; четвертую строфу его же благодарственной оды Петру III [он же 1762б], и, наконец, ст. 38–54 эпистолы С. В. Нарышкина Екатерине [Нарышкин 1762в]. Непосредственным источником этого общего места было стихотворение “Ode à la fortune” (ок. 1712) Ж. Б. Руссо. Эта ода была предметом переводческого состязания между Ломоносовым и Сумароковым в журнале Хераскова “Полезное увеселение” (присоединился к этому состязанию извне и Тредиаковский). Однако мотив “ложной” славы относился в русском контексте не к Людовику XIV, как у Руссо, а к Фридриху II, врагу “миролюбивой” Елизаветы Петровны (см. комментарий к ломоносовской “Оде господина Русо Fortune, de qui la main couronne. . .” 1759 г.: [Блок, Красоткина 2011: 992–1003]).

ГРАСИАН 1981

ГРАСИАН Б., *Карманный оратор. Критикон*, Е. М. ЛЫСЕНКО, пер., Москва, 1981.

ДЕРЖАВИН 1864

ДЕРЖАВИН Г. Р., *Сочинения*, 1, Я. К. ГРОТ, ред., С.-Петербург, 1864.

— 1865

ДЕРЖАВИН Г. Р., *Сочинения*, 2, Я. К. ГРОТ, ред., С.-Петербург, 1865.

ЕКАТЕРИНА 1767

ЕКАТЕРИНА II, *Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения*, Н. Д. ЧЕЧУЛИН, ред., С.-Петербург, 1767.

— 1830

ЕКАТЕРИНА II, “Манифест 24 октября 1762 г.”, в: *Полное собрание законов Российской Империи*, 16, С.-Петербург, 1830, 91–93.

— 1965

ЕКАТЕРИНА II, “Наставление князю А. А. Вяземскому”, в: [СОЛОВЬЕВ 1965: 324–326].

— 1997

ЕКАТЕРИНА II, “Манифест 28 июня 1762 г.”, “Манифест 6 июля 1762 г.” в: Г. А. ВЕСЕЛЯЯ, ред., *Путь к трону. История дворцового переворота 28 июня 1762 года*, Москва, 1997, 490–497.

КАРАМЗИН 1966

КАРАМЗИН Н. М., *Полное собрание стихотворений*, Ю. М. ЛОТМАН, ред., Москва, Ленинград, 1966.

— 1991

КАРАМЗИН Н. М., *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*, Москва, 1991.

ЛЕОНТЬЕВ 1762

ЛЕОНТЬЕВ Н. В., *Ода ея императорскому величеству [. . .] императрице Екатерине Алексеевне [. . .], которую приносит верноподданнейший раб Николай Леонтьев 1762 года июля __ дня*, С.-Петербург, 1762.

ЛОМОНОСОВ 2011, 7

ЛОМОНОСОВ М. В., *Полное собрание сочинений в десяти томах*, 7, 2-е изд., испр. и доп., Москва, С.-Петербург, 2011.

— 2011, 8

ЛОМОНОСОВ М. В., *Полное собрание сочинений в десяти томах*, 8, 2-е изд., испр. и доп., Москва, С.-Петербург, 2011.

МАЙКОВ 1966

МАЙКОВ В. И., *Избранные произведения*, А. В. ЗАПАДОВ, ред., Москва, Ленинград, 1966.

НАРТОВ 1762

НАРТОВ А. А., *Ода на всерадостное возшествие на престол [. . .] императрицы Екатерины Алексеевны [. . .] 28 июня 1762 года, которую [. . .] приносит всеподданнейший раб Андрей Нартов*, С.-Петербург, 1762.

НАРЫШКИН 1762А

НАРЫШКИН А. В., “На кончину блаженных и вечностойных памяти императрицы Елисаветы, и на восшествие на всероссийский наследный престол государя императора Петра Федоровича”, в: *Полезное увеселение*, февраль 1762, 49–57.

— 1762Б

НАРЫШКИН А. В., “Всепресветлейшему [. . .] императору Петру Федоровичу самодержцу всероссийскому”, в: *Полезное увеселение*, март 1762, 129–135.

——— 1762в

НАРЫШКИН С. В., *Эпистола Екатерине II, императрице всероссийской, поднесенная всеподданнейшим рабом Семеном Нарышкиным*, С.-Петербург, 1762.

Новиков 1987

Новиков Н. И., *Опыт исторического словаря о российских писателях*, Москва, 1987.

Прокопович 1961

Прокопович Ф., *Сочинения*, И. П. Еремин ред., Москва, Ленинград, 1961.

Радищев 1992

Радищев А. Н., *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*, В. А. Западов, ред., С.-Петербург, 1992.

Ржевский 1761

Ржевский А. А., “Ода ея величеству великой государыне императрице, истинной матери отечества, Елисавете Петровне. Сочинил Алексей Ржевский”, в: *Полезное увеселение*, 21, декабрь 1761, 185–188.

——— 1762а

Ржевский А. А., “Ода [. . .] императору Петру Федоровичу [. . .] на всерадостное восшествие на всероссийский престол”, в: *Полезное увеселение*, март 1762, 97–107.

——— 1762б

Ржевский А. А., “Ода [. . .] императору Петру Федоровичу, самодержцу всероссийскому. Приносится в знак благодарности за безпримерное и милосердное пожалование вольностью российских дворян [. . .]”, в: *Полезное увеселение*, март 1762, 108–113.

——— 1762в

Ржевский А. А., *Ода ея [. . .] императрице Екатерине Алексеевне [. . .] на всерадостнейшее восшествие на престол, приносит всеподданнейший раб Алексей Ржевской*. 1762 июля __ дня, Москва, 1762.

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 1951

Берков П. Н., ред., *Сатирические журналы Н. И. Новикова*, Москва, Ленинград, 1951.

Сумароков 1781

Сумароков А. П., *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе*, Н. Новиков, ред., 2, Москва, 1781, 275–288.

——— 2009

Сумароков А. П., *Оды торжественныя. Елегии любовныя. Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. Приложение: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи*, Р. Вроон, ред., Москва, 2009.

Толстой 1961

Толстой Л. Н., *Война и мир*, в: Он же, *Собрание сочинений в двадцати томах*, 4, Москва, 1961.

Тредиаковский 2009

Тредиаковский В. К., *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою [1752]*, Н. Ю. Алексеева, ред., С.-Петербург, 2009.

Фонвизин 1959

Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений в двух томах*, Москва, Ленинград, 1959.

Херасков 1760

Херасков М. М., “Солнце славы”, в: *Полезное увеселение*, январь 1760, 29.

——— 1762а

Херасков М. М., “Идиллия на заключение мира 1762 года, Апреля 29 дня”, в: *Полезное увеселение*, май 1762, 221–223.

——— 1762б

ХЕРАСКОВ М. М., *Епистола ко [...] великой государыне императрице Екатерине Алексеевне [...] принесенная в день высочайшаго тезоименитства ея императорского величества Московским университетом. Сочинил Михайло Херасков. 1762 года, ноября 24 дня*, Москва, 1762.

——— 1809

ХЕРАСКОВ М. М., *Творения, вновь исправленные и дополненные*, 7, 2-е изд., Москва, Б. г. <1809?>.

——— 1961

ХЕРАСКОВ М. М., *Избранные произведения*, А. В. Западов, ред., Ленинград, 1961.

ЩЕРБАТОВ 2006

ЩЕРБАТОВ М. М., “Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого. Беседа”, в: С. И. Николаев, ред., *Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии*, С.-Петербург, 2006, 286–300.

ЮЧЗ 1976

Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению, Москва, 1976.

ENCYCLOPÉDIE 1765

Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, 8, D. DIDEROT, J. LE ROND D'ALEMBERT, éd., Paris, 1765.

GOTTSCHED 1751

GOTTSCHED J. Chr., *Versuch einer Critischen Dichtkunst* [1751], Darmstadt, 1982.

HORAZ 1957

HORAZ, *Sämtliche Werke*, lateinisch und deutsch, München, 1957.

MENANDER 1981

D. A. RUSSELL, N. G. Wilson, eds., *Menander Rhetor*, Oxford, 1981.

QUINTILIEN 1975

COUSIN J., éd., trad., QUINTILIEN, *Institution oratoire*, 2, 3e tirage revu et corrigé par G. ACHARD, Paris, 1975.

VOLTAIRE 2008

VOLTAIRE, *Les œuvres complètes*, 63b, Oxford, 2008.

Словари и справочники

САР, 1–6

Словарь Академии российской, 1–6, С.-Петербург, 1789–1794.

СК, 1–5

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800), 1–5 (+1), Москва, 1963–1975.

СРП18, 1–3

Словарь русских писателей XVIII века, 1–3, Ленинград, С.-Петербург, 1988–2010.

Литература

АЛЕКСЕЕВА 2010

АЛЕКСЕЕВА Н. Ю., “Несостоявшееся посвящение «Аргениды»”, в: [ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА 2010: 135–147].

АНИСИМОВ 1999

АНИСИМОВ Е. В., *Елизавета Петровна*, Москва, 1999.

БЕГУНОВ 1973

БЕГУНОВ Ю. К., “Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX–XVI веков (К постановке вопроса)”, в: *Славянские литературы. VII*

- международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации*, Москва, 1973, 380–399.
- Бильбасов 1900
Бильбасов В. А., *История Екатерины Второй*, 1–2, Берлин, 1900.
- Блок, Красоткина 2011
Красоткина Т. А., Блок Г. П., “<Примечания к стихотворениям 241, 266>”, в: [Ломоносов 2011, 8: 992–1003, 1049–1052].
- Вроон 2009А
Вроон Р., “Комментарий”, в: [Сумароков 2009: 261–383 (вторая пагинация)].
- 2009Б
Вроон Р., “«Оды торжественные» и «Елегии любовные»: история создания, композиция сборников”, в: [Сумароков 2009: 387–468 (вторая пагинация)].
- Гребенюк 1979
Гребенюк В. П., “Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями”, в: Он же, ред., *Панегирическая литература петровского времени*, Москва, 1979, 5–38.
- Гуковский 1939
Гуковский Г. А., *Русская литература XVIII века*, Москва, 1939.
- Екуч 2010
Екуч У., “Немецкоязычная окказиональная литература в России XVIII века”, в: [Окказиональная литература 2010: 92–106].
- Живов 2002
Живов В. М., “Первые русские литературные биографии как социальное явление. Тредиаковский, Сумароков, Ломоносов”, в: Он же, *Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*, Москва, 2002, 557–637.
- Зорин 2001
Зорин А., *Кормя двуглавого орла. . . Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века*, Москва, 2001.
- Каменский 1992
Каменский А. Б., “Под сению Екатерины. . .” *Вторая половина XVIII века*, С.-Петербург, 1992.
- 2009
Каменский А. Б., “«Оды торжественные» А. П. Сумарокова глазами историка”, в: [Сумароков 2009: 639–662].
- Клейн 2006
Клейн И., “«Птенцы учат матку». Принцип критического разума в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева”, в: *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 403–412.
- 2013
Клейн И., “Истина и искренность в панегирической поэзии Державина”, *XVIII век*, 27, 2013, 187–219.
- Кононко 1974
Кононко Е. Н., “Примечания на сочинения Державина (продолжение)”, в: *Вопросы русской литературы*, 1 (23), Львов, 1974, 81–93.
- Кочеткова 2004
Кочеткова Н. Д., “Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю”, *XVIII век*, 23, 2004, 20–46.

ЛОТМАН 1996

ЛОТМАН Ю. М., “Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века”, в: Т. Д. Кузовкина, В. И. Гехтман, ред., *Из истории русской культуры*, 4: XVIII – начало XIX века, Москва, 11–346.

МАРАСИНОВА 1999

МАРАСИНОВА Е. Н., *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)*, Москва, 1999.

— 2004

МАРАСИНОВА Е. Н., “«Раб», «подданный», «сын отечества» (К проблеме взаимоотношений личности и власти в России XVIII века)”, *Canadian-American Slavic Studies*, 38/1–2, 2004, 83–104.

МАТВЕЕВ 2009

МАТВЕЕВ Е. М., *Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе)*, С.-Петербург, 2009.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА 2010

БУХАРКИН П., ЕКУЧ У., КОЧЕТКОВА Н., ред., *Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*, С.-Петербург, 2010.

ОМЕЛЬЧЕНКО 1993

ОМЕЛЬЧЕНКО О. А., “Законная монархия” Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России, Москва, 1993.

ПЕКАРСКИЙ 1862

ПЕКАРСКИЙ П., *Наука и литература в России при Петре Великом [1862]*, 1–2, Лейпциг, 1972.

ПРОСКУРИНА 2006

ПРОСКУРИНА В., “Со щитом Паллады: дискурс войны”, в: Она же, *Миф империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II*, Москва, 2006, 147–194.

ПУМПЯНСКИЙ 1983

ПУМПЯНСКИЙ Л. В., “Ломоносов и немецкая школа разума”, *XVIII век*, 14, 1983, 3–44.

— 2000

ПУМПЯНСКИЙ Л. В., “К истории русского классицизма [1923]”, в: Он же, *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы*, Москва, 2000, 30–157.

ПУШКАРЕВ 1999

ПУШКАРЕВ Л. Н., “Богоизбранность монарха в менталитете русских придворных деятелей рубежа Нового времени”, в: *Царь и царство в русском общественном сознании*, Москва, 1999, 59–69.

СОЛОВЬЕВ 1965

СОЛОВЬЕВ С. М., *История России с древнейших времен*, 13: Тома 25–26, Москва, 1965.

СТЕПАНОВ 1999А

СТЕПАНОВ В. П., “Нарышкин Алексей Васильевич”, в: [СРП18, 2: 327–330].

— 1999Б

СТЕПАНОВ В. П., “Нарышкин Семен Васильевич”, в: [СРП18, 2: 330–332].

УСПЕНСКИЙ, ЖИВОВ 1996

УСПЕНСКИЙ Б. А., ЖИВОВ В. М., “Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России)”, в: Б. А. УСПЕНСКИЙ, *Избранные труды*, 1, Москва, 1996–1997, 205–337.

ЧЕРНОВ 1935

ЧЕРНОВ С. Н., “М. В. Ломоносов в одах 1762 г.”, *XVIII век*, 1, 133–180.

BARNER 1970

BARNER W., *Barockrhetorik. Untersuchungen zu den geschichtlichen Grundlagen*, Tübingen, 1970.

BUCK 1991

BUCK A., "Die Kunst der Verstellung im Zeitalter des Barocks," in: A. BUCK, *Studien zu Humanismus und Renaissance. Gesammelte Aufsätze aus den Jahren 1981–1990*, Wiesbaden, 1991, 486–509.

BURCKHARDT 1966

BURCKHARDT J., *Die Kultur der Renaissance in Italien* [1860], Stuttgart, 1966.

DI SALVO 2014.

DI SALVO M., "Felix Catharina regnet! Felix Catharina vincat! (Panegyrics Dedicated to Catherine II by White Russian Catholic Schools)," in: *Russian Literature*, 75, 2014, 111–120.

FRÄNKEL 1962

FRÄNKEL H., *Dichtung und Philosophie im frühen Griechentum*, München, 1962.

GEYER 1982

GEYER D., "Der Aufgeklärte Absolutismus in Rußland. Bemerkungen zur Forschungslage," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 30, 1982, 176–189.

GRASSHOFF 1962

GRASSHOFF H., "Eine deutsche Parallele der Лисица-Кознодей (Fonvizin und Schubart)," *Zeitschrift für Slawistik*, 7, 1962, 167–174.

GRAUBNER 2013

GRAUBNER H., "Aufgeklärte Panegyrik. Zarenlobgedichte von Johann Gottfried Herder und Johann Gotthelf Lindner," in: *Geschichtsliteratur. Ein Kompendium*, 1, Göttingen, 2013, 574–605.

GRIFFITHS 1986

GRIFFITHS D., "To Live Forever: Catherine II, Voltaire and the Pursuit of Immortality," in: R. BARTLETT ET AL., eds., *Russia and the World of the Eighteenth Century*. Columbus (OH), 1986, 446–468.

HAMBSCH 1996

HAMBSCH B., "Herrscherlob," in: *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 3, Tübingen, 1996, 1377–1392.

HARDISON 1962

HARDISON O. B. JR., *The Enduring Monument. A Study of the Idea of Praise in Renaissance Literary Theory and Practice*, Chapel Hill (NC), 1962.

HAZARD 1963

HAZARD P., *La pensée européenne au XVIIIe siècle. De Montesquieu à Lessing*, Paris, 1963.

HELDT 1997

HELDT K., *Der vollkommene Regent. Studien zur panegyrischen Casualityrik am Beispiel des Dresdner Hofes Augusts des Starken*, Tübingen, 1997.

JONES 1984

JONES R. E., "Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth-Century Russia," in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 32, 1984, 34–51.

KLEIN 2015

KLEIN J., "Herrscherlob. Panegyrische Dichtung und russischer Absolutismus," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 70, 2015, 257–293.

KUNISCH 2005

KUNISCH J., *Friedrich der Große. Der König und seine Zeit*, München, 2005.

MAEHLER 1963

MAEHLER H., *Die Auffassung des Dichterberufs im frühen Griechentum bis zur Zeit Pindars*, Göttingen, 1963.

- MAUSE 1994
MAUSE M., *Die Darstellung des Kaisers in der lateinischen Panegyrik*, Stuttgart, 1994.
- MEINECKE 1957
MEINECKE F., *Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte* [1924], München, 1957.
- NICOLOSI 2002
NICOLOSI R., *Die Petersburg-Panegyrik. Russische Stadtliteratur im 18. Jahrhundert*, Frankfurt a. M., 2002.
- PÜTZ 1980
PÜTZ P., "Politische Lyrik der Aufklärung," in: P. PÜTZ, Hrsg., *Erforschung der deutschen Aufklärung*, Königstein, 1980, 316–340.
- RONNING 2007
RONNING CHR., *Herrscherpanegyrik unter Trajan und Konstantin. Studien zur symbolischen Kommunikation in der römischen Kaiserzeit*, Tübingen, 2007.
- SCHARF 1998
SCHARF C., "Tradition-Usurpation-Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II.," in: E. HÜBNER, Hrsg., *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus-Aufklärung-Pragmatismus*, Köln, Weimar, Wien, 1998, 41–101.
- SCHIERLE 2007
SCHIERLE I., "«For the Benefit and Glory of the Fatherland»: The Concept of «Otechestvo»," in: *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy*, Berlin, 2007, 283–295.
- SCHULZE WESSEL 1993
SCHULZE WESSEL M., "Lomonosov und Preußen im Siebenjährigen Krieg. Literatur im Licht von Strukturgeschichte," *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, 44, 1993, 45–63.
- TORKE 1986
TORKE H.-J., "Staat und Geschichte in Rußland im 17. Jahrhundert als Problem der europäischen Geschichte," in: K. ZERNACK, Hrsg., *Handbuch der Geschichte Rußlands*, 1, Stuttgart, 1986, 200–212.
- VROON 2014
VROON R., "Poetry Speaks to Power: Panegyric Responses to Peter III, Catherine II and the Coup d'Etat of 1762," *Russian Literature*, 75, 2014, 563–590.
- WHITTAKER 2003
WHITTAKER C. H., *Russian Monarchy. Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*, DeKalb (IL), 2003.
- WORTMAN 1995
WORTMAN R. S., *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, 1, Princeton (NJ), 1995.
- ZILSEL 1926
ZILSEL E., *Die Entstehung des Geniebegriffs. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der Antike und des Frühkapitalismus*, Tübingen, 1926.

Acknowledgements

Klaus Harer
Ronald Vroon
Irina Paperno

References

- Alekseeva N. Yu., "Nesostoiavsheesia posviahshenie «Argenidy»," in: P. Bukharkin, U. Jekutsch, N. Kochetkova, eds., *Okkazonal'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka*, St. Petersburg, 2010, 135–147.
- Anisimov E. V., Elizaveta Petrovna. Moscow, 1999.
- Barnier W., *Barockrhetorik. Untersuchungen zu den geschichtlichen Grundlagen*. Tübingen, 1970.
- Begunov Yu. K., "Problemy izucheniia torzhestvennogo krasnorechiia iuzhnykh i vostochnykh slavian IX–XVI vekov (K postanovke voprosa)," in: *Slavianskie literatury. VII mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Varshava, avgust 1973 g. Doklady sovetskoi delegatsii*, Moscow, 1973, 380–399.
- Buck A., "Die Kunst der Verstellung im Zeitalter des Barocks," in: A. Buck, *Studien zu Humanismus und Renaissance. Gesammelte Aufsätze aus den Jahren 1981–1990*, Wiesbaden, 1991, 486–509.
- Burckhardt J., *Die Kultur der Renaissance in Italien*. Stuttgart, 1966.
- Chernov S. N., "M. V. Lomonosov v odakh 1762 g.," *XVIII vek*, 1, 133–180.
- Di Salvo M., "Felix Catharina regnet! Felix Catharina vincat! (Panegyrics Dedicated to Catherine II by White Russian Catholic Schools)," in: *Russian Literature*, 75, 2014, 111–120.
- Fränkel H., *Dichtung und Philosophie im frühen Griechentum*. München, 1962.
- Geyer D., "Der Aufgeklärte Absolutismus in Rußland. Bemerkungen zur Forschungslage," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 30, 1982, 176–189.
- Graßhoff H., "Eine deutsche Parallele der Lisica-Koznodej (Fonvizin und Schubart)," *Zeitschrift für Slavistik*, 7, 1962, 167–174.
- Graubner H., "Aufgeklärte Panegyrik. Zarenlobgedichte von Johann Gottfried Herder und Johann Gotthelf Lindner," in: *Geschichtsliteratur. Ein Compendium*, 1, Göttingen, 2013, 574–605.
- Grebeniuk V. P., "Panegiricheskie proizvedeniia pervoi chetverti XVIII v. i ikh sviaz' s petrovskimi preobrazovaniiami," in: V. P. Grebeniuk, ed., *Panegiricheskaia literatura petrovskogo vremeni*, Moscow, 1979, 5–38.
- Griffiths D., "To Live Forever: Catherine II, Voltaire and the Pursuit of Immortality," in: R. Bartlett et al., eds., *Russia and the World of the Eighteenth Century*. Columbus (OH), 1986, 446–468.
- Gukovskiy G. A., *Russkaia literatura XVIII veka*, Moscow, 1939.
- Hambach B., "Herrscherlob," in: *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 3, Tübingen, 1996, 1377–1392.
- Hardison O. B. Jr., *The Enduring Monument. A Study of the Idea of Praise in Renaissance Literary Theory and Practice*, Chapel Hill (NC), 1962.
- Hazard P., *La pensée européenne au XVIIIe siècle. De Montesquieu à Lessing*, Paris, 1963.
- Heldt K., *Der vollkommene Regent. Studien zur panegyrischen Casualityrik am Beispiel des Dresdner Hofes Augusts des Starken*, Tübingen, 1997.
- Jekutsch U., "Nemetskoiazycznaia okkazonal'naia literatura v Rossii XVIII veka," in: P. Bukharkin, U. Jekutsch, N. Kochetkova, eds., *Okkazonal'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka*, St. Petersburg, 2010, 92–106.
- Jones R. E., "Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth-Century Russia," in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 32, 1984, 34–51.
- Kamenskii A. B., "Podseniia Ekateriny..." *Vtoraia polovina XVIII veka*, St. Petersburg, 1992.
- Kamenskii A. B., "«Ody torzhestvennyia» A. P. Sumarokova glazami istorika," in: Sumarokov A. P., *Ody torzhestvennyia. Elegii liubovnyia*, R. Vroon, ed., Moscow, 2009, 639–662.
- Klein J., "Herrscherlob. Panegyrische Dichtung und russischer Absolutismus," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 70, 2015, 257–293.
- Klein J., "Istina i iskrennost' v panegiricheskoi poezii Derzhavina," *XVIII vek*, 27, 2013, 187–219.
- Klein J., "«Ptentsy uchast matku». Printsip kriticheskogo razuma v «Ptuteshestvii iz Peterburga v Moskvu» A. N. Radishcheva," in: *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 403–412.
- Kochetkova N. D., "Literaturnye posviahsheniia v russkikh izdaniakh XVIII veka. Stat'ia vtoraia. Posviahsheniia gosudariu," *XVIII vek*, 23, 2004, 20–46.
- Kononko E. N., "Primechaniia na sochineniia Derzhavina (prodolzhenie)," in: *Voprosy russkoi literatury*, 1 (23), Lviv, 81–93.
- Kunisch J., *Friedrich der Große. Der König und seine Zeit*, München, 2005.
- Lotman Yu. M., "Ocherki po istorii russkoi kul'tury XVIII – nachala XIX veka," in: T. D. Kuzovkina, V. I. Gekhtman, eds., *Iz istorii russkoi kul'tury*, 4: XVIII – nachala XIX veka, Moscow, 11–346.
- Maehler H., *Die Auffassung des Dichterberufs im frühen Griechentum bis zur Zeit Pindars*, Göttingen, 1963.
- Marasino E. N., *Psikhologiiia elity rossiiskogo dvorianstva poslednei treti XVIII veka (Po materialam perepiski)*, Moscow, 1999.
- Marasino E. N., "«Rab», «poddannyi», «syn otechestva» (K probleme vzaimootnoshenii lichnosti i vlasti v Rossii XVIII veka)," *Canadian-American Slavic Studies*, 38/1–2, 2004, 83–104.
- Matveev E. M., *Russkaia oratorskaia proza serediny XVIII veka (Panegirik v svetskoi i dukhovnoi literature)*, St. Petersburg, 2009.
- Mause M., *Die Darstellung des Kaisers in der lateinischen Panegyrik*, Stuttgart, 1994.

Meinecke F., *Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte*, München, 1957.

Nicolosi R., *Die Petersburg-Panegyrik. Russische Stadtliteratur im 18. Jahrhundert*, Frankfurt a. M., 2002.

Omel'chenko O. A., "Zakonnaia monarkhiia" *Ekateriny Vtoroi. Prosveshchennyi absolutizm v Rossii*, Moscow, 1993.

Proskurina V., *Mif imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II*, Moscow, 2006.

Pumpianskiy L. V., "Lomonosov i nemetskaia shkola razuma", *XVIII vek*, 14, 1983, 3–44.

Pumpianskiy L. V., *Klassicheskaia traditsiia. Sbranie trudov po istorii russkoi literatury*, Moscow, 2000.

Pushkarev L. N., "Bogoizbrannost' monarkha v mentalitate russkikh pridvornykh deiatelei rubezha Novogo vremeni," in: *Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii*, Moscow, 1999, 59–69.

Pütz P., "Politische Lyrik der Aufklärung," in: P. Pütz, Hrsg., *Erforschung der deutschen Aufklärung*, Königstein, 1980, 316–340.

Ronning Chr., *Herrscherpanegyrik unter Trajan und Konstantin. Studien zur symbolischen Kommunikation in der römischen Kaiserzeit*, Tübingen, 2007.

Scharf C., "Tradition-Usurpation-Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II," in: E. Hübner, Hrsg., *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus-Aufklärung-Pragmatismus*, Köln, Weimar, Wien, 1998, 41–101.

Schierle I., "«For the Benefit and Glory of the Fatherland»: The Concept of «Otechestvo»," in: *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy*, Berlin, 2007, 283–295.

Schulze Wessel M., "Lomonosov und Preußen im Siebenjährigen Krieg. Literatur im Licht von Strukturgeschichte," *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, 44, 1993, 45–63.

Stepanov V. P., "Naryshkin Aleksei Vasil'evich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 327–330.

Stepanov V. P., "Naryshkin Semen Vasil'evich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 330–332.

Torke H.-J., "Staat und Geschichte in Rußland im 17. Jahrhundert als Problem der europäischen Geschichte," in: K. Zernack, Hrsg., *Handbuch der Geschichte Rußlands*, 1, Stuttgart, 1986, 200–212.

Uspenskij B. A., Zhivov V. M., "Tsar' i Bog (Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii)," in: B. A. Uspenskij, *Izbrannye trudy*, 1, Moscow, 1996–1997, 205–337.

Vroon R., "Commentaries," in: Sumarokov A. P., *Ody torzhestvennyia. Elegii liubovnyia*, R. Vroon, ed., Moscow, 2009, 261–383.

Vroon R., "«Ody torzhestvennyia» i «Elegii liubovnyia»: istoriia sozdaniia, kompozitsiia sbornikov," in: Sumarokov A. P., *Ody torzhestvennyia. Elegii liubovnyia*, R. Vroon, ed., Moscow, 2009, 387–468.

Vroon R., "Poetry Speaks to Power: Panegyric Responses to Peter III, Catherine II and the Coup d'Etat of 1762," *Russian Literature*, 75, 2014, 563–590.

Whittaker C. H., *Russian Monarchy. Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*, DeKalb (IL), 2003.

Wortman R. S., *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, 1, Princeton (NJ), 1995.

Zhivov V. M., *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002.

Zilsel E., *Die Entstehung des Geniebegriffs. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der Antike und des Frühkapitalismus*, Tübingen, 1926.

Zorin A., *Kormia dvuglavogo orla. . . Literatura i gosudarstvennaia ideologiia v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka*, Moscow, 2001.

Joachim Klein

j.h.klein6@mac.com

Received on August 27, 2015